

Сказовор МОНСТРОВ

Крэг Шоу
ГАРДНЕР

Невероятно красиво.
Хорошо бы таких
монстров было
побольше.

Роберт Асрим

✦ МИНИ-КОЛЛЕКЦИЯ ✦

Крэг Шоу Гарднер

Сговор монстров

Серия «Эбенезум», книга 2

OCR by Moon

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145831

Сговор монстров: Азбука-Классика; СПб; 2004

ISBN 5-352-00966-1

Оригинал: Craig Shaw Gardner, "A Multitude of Monsters"

Перевод:

Наталья Маслова

Аннотация

Впервые на русском языке выходят романы Крэга Шоу Гарднера – известного мастера юмористического fantasy, чьи книги стоят в одном ряду с произведениями Спрэга де Кампа, Роберта Асприна и Терри Пратчетта.

Тяжела стезя волшебника, особенно если он не сидит себе тихо в башне из слоновой кости, а путешествует. И кто только не встречается магу по дороге! Драконы и демоны, великаны и привидения, тролли и заколдованные цыплята. А ведь волшебник Эбензум вместе с учеником и друзьями не погулять вышли – им необходимо разрушить планы гнусных демонов Голоадии, которые вознамерились подчинить себе весь мир, и избавиться от магического насморка...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	32
Глава четвертая	48
Глава пятая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Крэг Шоу Гарднер

Сговор монстров

Посвящается Мерили, без которой...

Глава первая

«Мудрецы советуют: путешественник всегда должен быть готов принять обычаи местных жителей. Но даже в пределах одного только нашего королевства можно наблюдать самое варварское отношение к магии и ее носителям: есть места, где волшебников облагают грабительскими налогами, доводя таким образом до полной нищеты; в других провинциях считают, что магия существует как само собой разумеющееся, и потому волшебникам не платят вовсе; и, наконец, в третьих, неудачливого чародея могут даже искупать в дегте и вывалить в перьях. Из чего вытекает правило, противоречащее заповедям мудрых: в иных краях путешественнику надлежит всеми силами избегать столкновения с местными обычаями».

«Наставления Эбнезума», том VI

Случалось мне хаживать по темным лесам и раньше, но такого темного, как этот, я что-то не припомню. Мощные деревья, меж которых лежал наш путь, вздымались над голова-

ми, их ветви, переплетаясь, образовывали подобие зеленого покрова, висящего высоко в воздухе. Он пропускал так мало света, что одну половину суток мы шли в сумерках, вторую – в непроглядной ночи.

Случалось мне и раньше пробираться сквозь густой подлесок, но такого густого, как этот, видывать не приходилось. Хотя света сквозь плотные кроны проникало совсем мало, все пространство между деревьями было заполнено низкими кустами с бледной листвой, имевшими такой вид, словно не солнечный свет, а ночная мгла была для них источником жизни. У листьев на этих кустах края были острые, как бритвы, а под ними вдобавок скрывались шипы, все время цеплявшиеся за штанины и в кровь резавшие пальцы при попытке их отцепить.

Случалось мне и раньше бывать в холодных краях, но нигде холод не норовил проникнуть в кровь и даже кости путника так, как он умудрялся это делать здесь. Густая листва не только загораживала свет, но и изгоняла, казалось, даже самое воспоминание о солнечном тепле. У меня было такое чувство, что, опустись температура еще хоть на градус ниже, и кровь, выступившая на моих исколотых коварными шипами пальцах, превратится в лед.

Мой учитель, волшебник Эбenezум, некогда величайший маг во всех Западных Королевствах, обернулся посмотреть на остальных членов нашего маленького отряда. Он потянулся, и его руки далеко высунулись из рукавов черного шел-

кового одеяния, украшенного вышивкой из серебряных лун и звезд. Правда, платье немного потрепалось и засалилось в дороге, но все же вид его ясно давал понять, что владелец оного – серьезный чародей. Волшебник зевнул, почесал окладистую белую бороду и заметил:

– Какое, однако, свежее выдалось утро!

– Проклятие! – раздался голос рядом со мной. Но я не обернулся, поскольку и так знал, что это Хендрик, который, разумеется, шагает, мертвой хваткой вцепившись в мешок со своей заколдованной боевой дубиной по прозвищу Головолом. Похоже, настроение у Хендрика было под стать моему.

– Ужхтрфью! – подал голос кто-то другой. Этим другим был маленький демон Снаркс, закутанный в такое невообразимое количество одежек, что ни одного его слова разобрать было нельзя. Но все же мне показалось, что в его голосе прозвучало беспокойство. Или только показалось?

– Да будет вам. – Волшебник задумчиво погладил свои усы. – Все не так-то плохо. Демоны не нападали уже больше двух дней. Мы движемся с хорошей скоростью и скоро будем у Внутреннего моря. А на другом его берегу нас ждет Вушта!

Вушта? Должен признаться, что, несмотря на мрачную обстановку, от одного только этого названия на сердце у меня полегчало. Вушта, город тысячи запретных наслаждений, место, где человек – если он, конечно, не воплощенное благоразумие, – может, раздираемый противоречивыми жела-

ниями, потерять разум. Вушта, где молодому человеку, такому как я, например, приходится быть вдвойне осторожным, иначе его могут силой затащить в один из легендарных дворцов удовольствий этого города и принудить, как бы он ни сопротивлялся...

Мои размышления прервал взрыв.

– А? – отозвался волшебник. – Что ж, может, я и ошибся.

– Проклятие! – повторил Хендрик. Огромный рыцарь сделал шаг вперед. Все его тело дрожало в предвкушении битвы – внушительное зрелище, особенно если учесть, что ширины он был почти такой же, что и высоты. Руки его продолжали судорожно сжимать мешок с заколдованным оружием. – Как-то устрашающая магия рядом!

Я с сомнением посмотрел на Хендрика, не зная, исправлять его или нет. Совершенно очевидно, что он ошибается. Никакого сильного колдовства поблизости не было: мой учитель не чихал.

Как я уже говорил, Эбenezум был когда-то величайшим волшебником всех Западных Королевств. Да и сейчас ему по-прежнему не было равных, если не считать одной маленькой проблемки. Несколько месяцев назад он допустил небольшую ошибку, в результате чего оказался втянутым в смертельную борьбу с Гаксом Унфуфаду, одним из сильнейших демонов, порожденных когда-либо Голоадией. Эбenezум одержал победу и загнал демона туда, откуда тот явился, но все же заплатил за это свою цену. С тех самых пор, слу-

чись ему хотя бы оказаться рядом с местом, где творят волшебство, он тут же начинал громко и неудержимо чихать.

Для множества волшебников послабее этот недуг стал бы концом их чародейской карьеры. Но не для Эбenezума! Он продолжал заниматься своим ремеслом, обратив недостаток в достоинство: теперь он мог безошибочно распознавать магию даже там, где любому другому чародею это было не под силу. Одновременно он искал в своих ученых книгах способ исцеления от напасти. Однако прошло время, и Эбenezум вынужден был признать, что, каким бы сильным магом он ни был, в одиночку ему не справиться. И тогда он решил искать помощь, даже если ради этого придется ехать до самой Вушты, города тысячи запретных наслаждений, где он сможет найти волшебника, достаточно могущественного, чтобы справиться с этой задачей.

Именно в Вушту и лежал наш путь. И кто только не встречался нам по дороге: драконы и демоны, великаны и привидения, тролли и заколдованные цыплята! Куда ни повернись, всюду колдовство. Слишком много колдовства.

Истина открылась нам, лишь когда мы гостили в огромной, точно дворец, и столь же роскошной хижине отшельника; не раньше, чем Гакс Унфуфаду, тот самый демон, что был повинен в недомогании моего учителя, напал на нас! Обитатели Голоадии, не удовлетворенные теми редкими эпизодами демонического вмешательства в дела земного мира, что выпадали на их долю до сих пор, задумали подчинить себе

мир целиком и сделать его частью своей гнусной империи!

Эбenezуму и мне с помощью многих других удалось выиграть ту первую битву. Но мы знали, что это лишь начало войны. Поэтому добраться до Вушты и ее Университета Волшебников стало еще важнее, чем раньше. Будущее всего мира было поставлено на карту!

С тех пор мы с удвоенным рвением стремились к цели нашего путешествия. Нам помогали двое спутников: Снаркс и Хендрик. Но, даже путешествуя днем, нам приходилось все время быть начеку. Мало того что всю дорогу нам досаждали демоны со своей демонической магией, так периодически на нас нападали еще и наемные убийцы, посланные правителем, которого Эбenezум ухитрился нечаянно обидеть. Чтобы отбить эти атаки, потребовались объединенные усилия всех нас четверых.

Раздался еще один взрыв, на этот раз гораздо ближе. Земля у нас под ногами ходила ходуном.

– Проклятие! – воскликнул рыцарь-гигант. – Демоны снова нападают!

– Нет, нет, мой добрый Хендрик! – поправил его мой учитель. – Это еще не демоны. По крайней мере не в больших количествах. Иначе мой нос непременно отреагировал бы.

Волшебник торопливо сделал шаг назад и прикрыл нижнюю часть лица полкой своего расшитого одеяния. С третьим толчком Хендрик извлек Головолом из защитного мешка:

– Проклятие! – Дубина со свистом описала круг у него над

головой. Головолом был зачарованным оружием, и стоило только Хендрику взять его в руки, как он уподоблялся одержимому. Но на дубине, кроме всего прочего, лежало заклятие: Хендрик купил ее у демона Бракса, который, разумеется, не считал нужным проинформировать воина о точных условиях сделки. К своему несказанному ужасу, Хендрик вскоре обнаружил, что Головолом не приобретает в вечное пользование, его можно позаимствовать лишь на время!

Нездорового зеленоватого цвета голова демона Снаркса выглянула из-под укутывавших его тряпок. Он стоял рядом с Хендриком и глазел на место последнего толчка.

– Волшебник прав, – прошипел он. – Это сделал не демон, это кто-то намного хуже!

И тут взрыв прогремел прямо у правой ноги Снаркса. Демон завизжал.

– О, прошу прощения! – раздался тоненький голосок. – Тысяча извинений! – Крошечный человечек, одетый во все коричневое, стоял среди нас, сосредоточенно отряхивая рукав своего одеяния. – Я еще не совсем научился справляться с этим фокусом. Но ничего, скоро все будет в порядке!

Хендрик прищурился, разглядывая пришельца:

– Это какая-то фея...

– Что? – Человечек так и впился глазами в воина. – Ничего подобного! Придумают тоже! – Он набрал полную грудь воздуха, вытянулся во весь рост (всего-то фут с половиной) и представился: – Господа, перед вами брауни!

– Брауни? – пробормотал Снаркс. Выражение неодобрения на его лице сменилось откровенным ужасом. – Брауни?

Хендрик улыбнулся:

– Не сердись, малыш, моя ошибка вполне объяснима. То и дело приходится слышать, как люди толкуют про фей да брауни.

– Про фей и брауни! Про фей и брауни! – Человечек негодуяще затопал ножками. – И никто никогда не скажет «брауни и феи», нет, нет, нет, ни за что! Только наоборот! Все, с нас, брауни, достаточно! Больше мириться с этим мы не намерены!

– Вот как, – произнес за складками своего одеяния волшебник. – Будет ли с моей стороны большим нарушением приличий спросить: с чем именно не намерены больше мириться брауни?

Малыш грустно покачал головой:

– Все давно привыкли относиться к брауни как к чему-то само собой разумеющемуся. Что ж, частично это наша вина, я первый готов это признать. Мои предки всегда прятались от больших людей, и у брауни давно вошло в обычай делать свои дела после захода солнца. Но, поверьте моему слову, дни невидимых брауни сочтены! Отныне каждое наше доброе дело будет у всех на виду! Да здравствуют брауни!

Снаркс содрогнулся, ужаснувшись, по-видимому, одной мысли о подобном. Я с тревогой приглядывался к нашему зеленому спутнику. Его непревзойденные познания в делах

и обычаях Голоадии оказали нам неоценимую помощь в сражениях с демонами. Быть может, и в речах маленького человечка ему послышалась скрытая угроза?

Шепотом я спросил у демона, в чем дело.

Снаркс взглянул на меня, и в глазах его была мука. Его и без того зеленое лицо приобрело еще более нездоровый зеленый оттенок.

– Ты знаешь, – прерывисто зашептал он, – хотя меня выгнали из Голоадии, ибо я не могу говорить ничего, кроме правды, с тех самых пор, как демоны-политики напугали мою мать, когда она была еще мною беременна, я уже почти смирился со своей судьбой – вечно скитаться по миру, полному врагов моего народа, готовых убить меня, как только увидят. Но все же... все же... – Снаркс подавил всхлип. – Это для меня слишком! Может, меня и выгнали из Голоадии... но все же у меня есть свои принципы. Он такой, такой... – Снаркс поперхнулся, – такой... сладенький!

Я перевел взгляд на брауни. Мне было понятно, что имеет в виду демон. Было что-то приторное в этом человечешке, его прыжках, ужимках и неумеренных похвалах народу брауни.

– Где же теперь эти феи, позвольте вас спросить? – продолжал разглагольствовать он. – Думаете, они ничего не знают о голоадских планах по захвату этих земель? Как бы не так: феям тут же все становится известно, как только нога какого-нибудь демона ступает на землю этого королевства. Так

что же они делают? Да ничего! Они испугались! Они спрятались! Настало время брауни, говорю я вам! Мы больше не будем прятаться. Мы останемся здесь и покажем этим демонам и всем остальным, что мы здесь и что мы будем здесь всегда! Феи и брауни, как же!

– В самом деле, – ответил Эбenezум. – Звучит вполне убедительно.

– Вообще-то, – просиял брауни, – я вот за чем пришел. Только что я повстречал в лесу одну молодую особу, которая просила передать вам что-то важное.

– Молодую особу? – переспросил я.

– Да, да, по-моему, ее зовут как-то на «Н». «Н» или «М». – Брауни потрянул головой. – В моем способе передвижения много хорошего: он незаменим, когда нужно спешить. Но, надо признать, голова от этих взрывов идет кругом.

– На «Н»? – продолжал расспрашивать я. – Ее зовут Нори? Неужели это правда? Неужели моя любимая ищет нас? О, смею ли я надеяться, что она ни минуты больше не может жить без меня?

– А может быть, и на «С». Прошу прощения. Это все из-за звона в ушах, знаете ли. Но я уверен, что ее имя начинается с одной из этих букв – «Н», «М» или «С». Только с одной из этих, и ни с какой больше.

Ну почему этот брауни не мог все по-человечески запомнить? Ведь это наверняка Нори, больше никому! Может, известие, которое она нам передала, поможет понять, Нори это

или кто-то другой.

– Что она сказала? – потребовал я ответа у брауни. – Упомянула Эбенезума? – На мгновение голос изменил мне. – Говорила что-нибудь о... Вунтворе?

– Да, по-моему, она называла эти имена или очень похожие. Нет, но как же ее все-таки звали?

– Понятно. – Очевидно, вся эта бестолковщина порядком наскучила моему учителю. Он шагнул вперед, его кустистые брови сошлись у переносицы. Признаться, я был рад, что волшебник решил наконец принять более активное участие в разговоре. Против его чародейских уловок никто не устоит. Колдовством или без него, он в два счета разговорит этого лесного духа. – Что тебе сказала молодая женщина? – Он чихнул и отвернулся, чтобы высморкаться.

– Так, сейчас, – отозвался брауни. – Я, знаете ли, не могу точно ответить. Это все из-за имени. Просто удивительно, как мелочь вроде этой может все испортить...

Волшебник сделал еще шаг вперед:

– Так ты помнишь, что она тебе сказала, или нет? – На этот раз он чихнул дважды.

– Я могу пойти и спросить, как ее зовут. Уверен, как только я услышу ее имя, тут же вспомню и все остальное. Вы должны дать мне еще один шанс. Мы, брауни, будем отныне принимать более активное участие в делах этого мира. Мы твердо решили. Но все это для нас пока в новинку, поэтому вы должны дать нам время подучиться. Обещаю, что не под-

веду вас. Девиз брауни: «Продолжай пробовать, пока у тебя не получится».

Прежде чем очередной приступ насморка овладел Эбене-зумом, он успел выдать одно слово:

– Уходи!

– О! Прошу прощения. По-моему, мне и впрямь лучше уйти. Но запомните: у брауни все получается лучше!

Он закрыл глаза и топнул ногой. Снаркс завопил, когда прямо под ним грянул взрыв.

Брауни сконфуженно улыбнулся:

– Извините. Все еще никак не могу научиться рассчитывать силу удара. – Потом нахмурился. – Что бы та молодая женщина ни сказала, я знаю, что это важно. Что же это было? Ах да, вопрос жизни и смерти. Именно так она и сказала. Жизни и смерти. А может, жизни или смерти?

Снова прогремел взрыв. На этот раз брауни исчез.

Глава вторая

«Существует столько же разных видов магии, сколько и самих магов. Многие виды колдовства производят на зрителей впечатление своей яркостью и шумом, однако всем известно, что сильнейшее чародейство совершается порой в тишине и тайне; таковы тончайшие изменения в самой ткани бытия, разглядеть которые может лишь опытный взгляд другого волшебника. Время от времени даже такой ученый маг, как я, испытывает сожаление о том, что до сих пор не овладел деликатными секретами своего искусства: например, восточной магией пальцев, когда движением одной фаланги пальца маг может заставить цветы петь. И вероятно, настанет день, когда мои пальцы, устав от пригоршней золота, которые приносят мне более яркие и шумные колдовские эффекты, обучатся изысканной магии Востока».

«Наставления Эбнезума», том VII

– Нори!

Имя само сорвалось с моих губ, как только брауни испарился. Нори! Любовь всей моей жизни. Как мне описать ее? Лицо, волосы, кожу, улыбку? Нет, словами не выразить всей глубины моего чувства к ней. Нори! И если брауни не солгал, она идет сюда!

Кто-то скажет, что мы еще слишком молоды для такого сильного чувства. Но внешность обманчива. Признаю, в юности мне часто казалось, что я влюблен, но каждый раз чувство, которое я испытывал, оказывалось чем-то другим. Сначала была дочь одного зажиточного фермера, потом еще одна девушка, покинувшая меня вскоре ради карьеры в шоу-бизнесе – она теперь выступает с поющим драконом, – и еще пять-шесть других. Но, только повстречав Нори, я понял истинное значение слова «любовь». Да, лишь встреча с Нори показала, что все предыдущие увлечения были всего лишь юношеской влюбленностью.

С тех пор моя жизнь сильно изменилась. Я повидал мир и теперь направлялся в Вушту, город тысячи запретных наслаждений. В таких путешествиях, как наше, даже ученик чародея взрослеет быстро. Когда идешь в Вушту, надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

– Не доверяю я этому брауни.

...Пока я стоял погрузившись в раздумья, ко мне подошел Снаркс. Капюшон упал ему на плечи, и теперь его рогатая чешуйчатая голова была видна во всей красе. Уголки клыкастой пасти опустились вниз в одной из самых унылых гримас, которые мне когда-либо доводилось видеть.

– Почему, дружище Снаркс? – поинтересовался я. – Что такого может натворить малютка брауни, чтобы повредить нам?

– В этом-то все и дело! – воскликнул демон. Его красные

глаза были устремлены прямо в мои. – Чем они вообще занимаются, эти брауни? Да ничем, насколько я знаю. Болтают, будто они чинят башмаки по ночам. По мне, так эту сказку придумали сапожники, чтобы не платить налоги за сверхурочную подработку. Заколдованные башмаки брауни, как же! Не удивлюсь, если окажется, что брауни с сапожниками в доле. Говорю тебе, эти брауни как-то подозрительно тихо себя ведут!

Пинком Снаркс отшвырнул с тропинки небольшой камень. Его глаза продолжали смотреть с той же пристальностью, которая доступна лишь существу, чье детство прошло в Голоадии.

– Проклятие! – Великий воин Хендрик подошел с другой стороны. – Так, значит, с этим брауни что-то нечисто? Так я и думал: никто не имеет права быть таким жизнерадостным без особой причины.

Пальцы Хендрика нервно ощупывали мешок с Головоломом. Так пристально, как он, мог смотреть только человек, одержимый чарами заколдованной дубины.

Я переводил взгляд с одного из моих спутников на другого. Как изменили их две недели совместного путешествия! Когда эти двое встретились впервые, я всерьез опасался, что они разорвут друг друга на куски. Хендрику его проклятая дубина досталась от демона, что не усилило его любви ко всем представителям этой породы. А Снаркс, одержимый страстью резать правду-матку, казалось, с особым наслажде-

нием сообщил громоздкому герою, какой диеты тому следует придерживаться и какие упражнения делать, чтобы сбросить лишний вес. Однако в стычках с выходцами из Голоадии стратегические и тактические познания Снаркса были незаменимы; столь же неоценимые услуги неоднократно оказывал нам и Хендрик со своей скоростной дубиной. Наконец оба поняли, что нужны друг другу. И теперь, хотя закадычными друзьями назвать их по-прежнему было нельзя, иногда они все же разговаривали, и я перестал бояться кровавой расправы, которую они могли учинить друг над другом.

С тропинки перед нами донеслось громогласное «ххаруммф!».

– Если вы непременно хотите продолжать вашу частную беседу, то соблаговолите хотя бы переставлять ноги при этом, – съязвил волшебник. – Мы должны двигаться, а то скоро и этот тусклый свет исчезнет.

Так пронзать взглядом, как это сделал Эбenezум, может только великий маг, разлученный со своим искусством.

В тот миг я понял, что лишения, испытываемые нами в этом трудном путешествии, тяжелы для моего учителя так же, как и для всех остальных. В голосе его звучала глубокая усталость, вокруг рта залегли новые морщины. Мой учитель, волшебник Эбenezум, с такой легкостью расправлялся с любыми трудностями и опасностями, встречавшимися нам на пути, что я даже забыл, что и он может испытывать уста-

лость. Эбenezум не мог подойти к нам поближе, ибо стоило только волшебнику приблизиться к демону, когда тот снял свой капюшон, или к Головолому, когда Хендрик извлекал его из защитного мешка, как он тут же начинал неудержимо чихать. Я подумал, что нельзя оставлять его в неведении, и пересказал ему наши опасения.

– Да уж... – Волшебник задумчиво погладил бороду. – Другого способа проверить, обманул нас брауни или нет, не существует. Мы должны сами сотворить волшебство и связаться с молодой ведьмой.

Волшебство! Увы, в те дни, в самом начале моей магической карьеры, я знал о нем слишком мало. Когда я только поступил к Эбenezуму в подмастерья – это было в Западных Королевствах, далеко отсюда, – он был слишком занят, чтобы обучать меня чему-либо, кроме как мести полы да носить ведра с водой. Потом, когда он заболел да еще нам стали известны злодейские козни Голоадии, стало и вовсе не до того. Но тем не менее магия была нам нужна, и Эбenezум предложил попробовать. Я слушал внимательно. Может быть, я толком и не знаю заклятий, но мое желание учиться наверняка перевесит мои недостатки.

– Ага, – отметил Эбenezум мою готовность, подняв при этом бровь. – Начнем с заклятия Общения. Оно очень простое и очень полезное. Ты справишься с ним в считанные минуты.

Зажав пальцами нос, он взял меня за плечо и потянул в

сторону:

– Вунтвор, – голос его звучал тихо, но взволнованно, – кажется, мы подошли к поворотному моменту нашего пути. Оставив позади Химат, мы также оставили и цивилизацию. Нам не встретится ни одного города, пока мы не достигнем берегов Внутреннего моря. – Он на мгновение умолк, поглаживая длинные седые усы. – Среди наших попутчиков зревает какая-то смута. Оба были и, я надеюсь, еще будут полезны нам в этом путешествии. Но если дать каждому из них почувствовать себя на какое-то мгновение лидером, проку от них может оказаться куда больше. А магия делает нас лидерами. Как ты видел, я еще могу сплести заклятие-другое, если сильно прижмет, но это отбирает у меня слишком много сил. А нам нужно больше, нам нужны заклинания для каждодневного употребления, чтобы поддержать бодрость духа. И вот тут, Вунт, ты можешь оказаться незаменимым. – Волшебник негромко кашлянул. – Я знаю, что в прошлом недостаточно времени уделял обучению тебя магическому искусству. Прошу за это прощения. Ты знаешь, как складывались обстоятельства. Теперь же я должен обучить тебя заклинаниям, которые будут служить нам изо дня в день. Что бы ни происходило, мы должны сохранять хотя бы видимость контроля над ситуацией.

Значит, он все-таки слышал нас. Я был полностью с ним согласен. Мы добьемся успеха, только если не будем поддаваться унынию. Хендрик и Снаркс тоже смогут дойти до кон-

ца, если не будут впадать в хандру. Нечего и говорить, как сильно мы с учителем нуждались в их помощи.

– Вунтвор, – продолжал учитель, – я вспомнил заклинание, овладеть которым тебе не составит труда. – Он похлопал меня по плечу. – Нам понадобится кое-что из содержимого твоего мешка.

Я с облегчением снял со своей спины тяжелую поклажу. Когда мы выходили из нашего дома в Западных Королевствах, Эбenezум набрал с собой разных ученых книг и всякой колдовской всячины, которая может понадобиться в дороге. Разумеется, нести все это предстояло мне, тем более, как неоднократно говорил мой учитель, руки волшебника должны быть всегда свободны для колдовства и голова тоже не должна быть занята ничем, кроме магических формул. Какими бы тяжелыми ни были эти вещицы, они уже неоднократно выручали нас в разных ситуациях, и потому я привык воспринимать неподъемный мешок как часть себя самого, а крепкий дубовый посох – второй за время нашего странствия, а первый разбился, славно послужив мне в схватке с Дилером Смерти, – облегчал путь, когда дорога делалась совсем непроходимой, и помогал удерживать равновесие при спуске с крутых холмов.

Эбenezум вкратце очертил свой план, и, пошарив с минуту в мешке, я нашел то, что он просил: весенний номер «Магического обозрения». Я с первого взгляда понял, что это именно то, что нужно, так как в правом нижнем углу

ярко-желтой обложки, прямо под картинкой, изображавшей молодую привлекательную ведьму, помещались набранные ярко-красным шрифтом слова:

«ПЯТЬ ЛЕГКИХ ЗАКЛИНАНИЙ, КОТОРЫЕ ПОДОЙДУТ ВАШЕМУ ПОДМАСТЕРЬЮ».

Как раз для меня! Я быстро отыскал нужную страницу.

И действительно, прямо под «Элементарным заклинанием для уборки» и перед «Элементарным любовным заклинанием» (надо будет как-нибудь вернуться к нему) я прочел: «Элементарное заклинание для общения: пользуйтесь зрением для получения наиболее достоверной информации!»

Волшебник нахмурился, глядя на меня:

– Ну так как, Вунтвор, ты готов? Я энергично кивнул:

– Да, учитель. Не пройдет и минуты, как мы будем разговаривать с Нори!

Заклятие представляло собой всего лишь набор картинок. Если они помогут мне поговорить с возлюбленной, то за чем же дело стало!

– Хорошо, подмастерье. – Волшебник задумчиво поскреб макушку под чародейской шляпой. – Если тебе понадобится мой совет, я буду рядом. Ну, настолько рядом, насколько это возможно.

С этими словами учитель сделал несколько шагов в сторону.

Я вновь принялся изучать журнал.

«Представьте себе, что магическая мысль – это птица, –

гласила инструкция. – Ваши мысли могут летать по воздуху точно так же, как птицы, и находить свою цель за много миль от того места, где они начали свой путь. Для наиболее эффективного использования данного заклинания представьте себя птицей в полете – благородным ястребом, несущим важные вести, или нежной голубкой, спешащей со словами любви».

Под этими картинками были изображены парящий ястреб, лебедь, качающийся на волнах, и голубка, несущая розу в клюве. «Взгляните на одну из этих картинок или на настоящую птицу и сосредоточьтесь. Эта птица – ваши мысли, и она полетит туда, куда вы пожелаете ее направить. Помните: концентрация – залог успеха! Пусть ничто не отвлекает вас...»

– Проклятие!

Крик Хендрика прервал мое чтение. Потом Эбenezум чихнул, и я потерял то место, где читал.

В нескольких футах от могучего рыцаря сгущался тошнотворный желтоватый дымок. Хендрик высвободил из чехла дубину. Снаркс сбросил капюшон, одолеваемый невыразимой жаждой все увидеть и высказать всю правду. Похоже, нам и впрямь могли понадобиться все наши силы.

– Необременительные условия оплаты! – воскликнул только что материализовавшийся демон.

– Если не считать того, что написано адски мелким шрифтом! – прошипел Снаркс в ответ.

– А, так ты еще здесь, предатель? – Свежеобразовавшийся демон, продолжая широко улыбаться, увернулся от удара Головолома. Отряхнув пыль с костюма в оранжево-зеленую клетку, демон выпустил струю зловонного сигарного дыма. Улыбчивый Бракс – а это был именно он, неутомимый двигатель торговли, – обратился к Хендрику: – Разумеется, мой досточтимый клиент не верит ни единому слову из того, что говорит этот презренный маленький демон. Разве можно доверять типу с таким происхождением?

– То же самое происхождение и у тебя, торговец Бракс! – вскричал Снаркс.

Бракс стряхнул пепел своей сигары прямо на одеяние Снаркса.

– У этого создания нет совершенно никакого коммерческого чутья, если вы понимаете, о чем я. – Демон торговли театрально вздохнул. – Кто бы мог подумать, что уроженец Голоадии может быть настолько скучным и унылым педантом.

– Это я скучный? Это я унылый? Не более, чем сама правда! – отпарировал Снаркс.

– Ну что же, на этом и порешим, – отвернулся от него Бракс. – А теперь возвращаюсь к цели моего визита. Я полагаю, Хендрик, что до сих пор у тебя не было причин жаловаться на свое заколдованное орудие?

Головолом с грохотом врезался в камни, на которых еще мгновение назад стоял Бракс.

– Проклятие! – воскликнул здоровенный рыцарь.

Тут я, вздрогнув, почувствовал, как кто-то тянет меня сзади за рукав. Обернувшись, я увидел учителя, который, завернувшись в свою мантию, изо всех сил сдерживался, чтобы не чихнуть.

– Вунтвор, – кое-как выдавил он, движением головы указав на какое-то место чуть дальше по тропе.

Я последовал за волшебником. Эбenezум чихнул и трубно высморкался в рукав своего одеяния.

– Хорошо, – удовлетворенно вздохнул волшебник, переводя дух. – Здесь нас не будут отвлекать. Тебе не приходило в голову, Вунтвор, что появление демона Бракса могло быть тем самым событием, против которого предостерегала нас Нори?

Я в ужасе посмотрел на Бракса, который как раз предлагал Хендрику новую серию всевозможных насадок для дубины, «от которых Головолом станет только лучше!». Честно говоря, такое предположение не приходило мне в голову. Бракс частенько появлялся, чтобы позлить Хендрика, а заодно и вынудить того сделать какую-нибудь очередную пакость в счет платы за волшебную дубину. Его возникновения давно стали привычной частью нашего путешествия. Да и в конце концов, чего еще можно было ожидать от Голоадии, кроме очередной пакости, а к этому мы тоже давно привыкли.

– Да! – воскликнул Бракс, в очередной раз увернувшись от Головолома. – Ты давно бы пристукнул меня, будь у тебя

Дубиноудлинитель, разработанный и запатентованный в Голлодии! Посмотри, как работает это маленькое чудо...

– А потому, – вернул меня волшебник к делу, – нужно как можно скорее связаться с Нори. Достаточно ли хорошо ты изучил заклятие?

Я ответил, что взгляну еще разок, и отыскал в ученом журнале то место, на котором меня прервали. Все было вроде бы понятно. Главное, представить себя птицей. Что ж, помнится, однажды меня уже превращали в птицу. Хотя, если верить пословице, курица (а тем паче цыпленок) – не птица. И еще беда – цыплята не из тех, кто славится быстротой полета. Я очень хорошо помню себя в качестве цыпленка и, честно говоря, до сих пор испытываю иногда потребность пожевать сухих кукурузных зерен. Придется, пожалуй, поднапрячь воображение и представить себя кем-нибудь с размахом крыла пошире.

Потом надлежало определить человека, с которым желательно вступить в контакт, произнести несколько несложных фраз, и заклинание готово. Как говорилось в статье: «Концентрация – залог успеха». Кажется, все довольно просто.

Я взглянул на изображение ястреба. Это было бы славно: стать благородным ястребом и полететь к своей возлюбленной.

– Никудышная работа? – взвизгнул Бракс. – Что ты хочешь этим сказать?

– Точно! – обличал Снаркс. – Вспомни те поющие мечи,

что перевирали все до единой мелодии!

– Да, верно, – признал Бракс. – Я вынужден был продавать их, не привив музыкального слуха.

– А как насчет любовного зелья, что привлекало одних лишь насекомых? – продолжал свои обличения Снаркс. – Ты только вообрази, что чувствовали люди, окруженные тучами одолеваемых любовной страстью комаров!

– Контроль качества не в моей компетенции! – вскричал загнанный в угол Бракс, – Кроме того, я торгую исключительно подержанным оружием. Если хотите пожаловаться на любовный эликсир, обращайтесь в отдел Контроля Качества Эликсиров! Он открыт, я полагаю, каждый третий вторник...

Бесполезно. Я не мог сосредоточиться в таком гаме на превращении себя в благородного ястреба. Лучше представляю себя голубем. Как это романтично, посетить возлюбленную в образе белого голубя!

– Проклятие! – Дубина Хендрика вновь с треском опустилась туда, где секунду назад стоял увертливый демон.

– Вунтвор! – зашептал мой учитель. – Торопись! Мы должны как можно скорее выяснить причину появления Бракса!

Волшебник был прав.

«Концентрация – залог успеха». И все же я не мог удержать картину голубя в голове.

– Мой добрый Хендрик! – воскликнул Бракс, перепрыги-

вая через дубину, просвистевшую низко над землей. – Ты не так меня понял! Я ведь хлопочу исключительно в твоих интересах!

– Подлый!.. – взревел было Хендрик, но вдруг замолк. – Да, ты и впрямь являешься как раз перед битвой. Почему ты всегда нас предупреждаешь?

Ухмылка Бракса стала еще шире.

– Обыкновенный бизнес, дружище Хендрик. Мы должны быть уверены, что ты умрешь не раньше, чем рассчитаешься с нами. Как бы мы, демоны, получали плату, если бы не предостерегали людей вовремя?

– Проклятие! – вновь завопил Хендрик, и его дубина снова рассекла воздух. – Никогда я не буду выполнять ваш адский контракт!

– Да ладно тебе. Это не так уж трудно, как кажется. – Бракс ткнул своей сигарой в Снаркса. – Скажем, в качестве первого взноса мог бы ты избавить нас от этого зеленого малого в колпаке? Один взмах дубиной, и никто больше не скажет тебе, чтобы ты садился на диету!

– Проклятие! Проклятие! – Хендрик налетел на Бракса с удвоенной энергией.

– Слушай – оп! – Бракс, сделав сальто, избежал прямого попадания дубиной. – Как я и сказал, мой. добрый Хендрик, ты – капиталовложение. Упс! Почти попал. Ты должен думать о нас – а-ап! – как о старых друзьях. Как говорят у нас в Голоадии, «век живи – век плати».

– Вунтвор! – снова раздался настойчивый шепот Эбене-зума.

Да, да, мой учитель был абсолютно прав. Нельзя больше отвлекаться на происходящее на том конце просеки. У меня должно получиться! Ради учителя, ради Нори! Но как только поднимался шум, ястребы и голубки разом вылетали у меня из головы. Нужно было как-то исхитриться и увидеть птицу внутренним взором.

Зачарованная боевая дубина врезалась в дерево. С его верхней ветки, протестуя крича, сорвалась птица. Птица! Наверняка это был знак. Я сосредоточился на темно-серых перьях птахи. Пусть эта птичка, обыкновенная и ничем не примечательная, будет моим посланцем. Зачем мне нужны всякие голуби и ястребы? Пусть обыкновенный воробей будет моим проводником.

Я быстро настроился, прочитал коротенькое несложное заклятие. «Концентрация – ключ к успеху!» Летите, мысли! Летите, как воробышек, трепеща скромными серыми крыльшками в воздухе. Летите к моей возлюбленной Нори!

Нори! Я увидел ее, внизу, далеко под собой, точно я и впрямь был летящим по воздуху воробьем. Волосы ее пламенили в лучах полуденного солнца. При моем приближении она подняла голову, в ее зеленых глазах отразилось изумление.

– Вунтвор? – Ее прекрасные губы произнесли мое имя. Она назвала меня по имени! Все мысли о сером воробыш-

ке тут же вылетели у меня из головы. Я моргнул. Передо мной стоял Эбenezум, прикрывая руками нос. Нори исчезла!

– Ну что, Вунтвор? – спросил он.

– Не говори потом, что я не предупреждал тебя! – восклицал рядом Бракс, размахивая руками. – И не забывай, что Бракс – твой друг. Я забочусь о тебе, ведь ты – мое капиталовложение. Увидимся!

И демон провалился как сквозь землю.

Вдруг вокруг нас раздались чудовищные вопли. Мы находились в самой гуще атаки демонов!

Глава третья

«У магии, как у всех истинных искусств, есть свои правила, по которым нужно играть. По крайней мере до тех пор, пока не придумаешь что-нибудь новенькое».

«Наставления Эбенезума», том I (Предисловие)

У моих ног раздался взрыв.

– Прошу прощения, – пропищал чей-то голосок. – Мы, брауни, любим громко заявить о себе! У меня для вас хорошие новости! – И тут малыш с изумлением воззрился на происходящее кругом. – Батюшки мои, что это у вас тут творится?

А творилось у нас дело вполне привычное – вся Голоадия опять набросилась на нас, точно с цепи сорвавшись. Наверное, со временем и к этому можно привыкнуть, ведь одному небу известно, сколько демонических атак пережили мы за последние дни. И все же, когда на тебя прет толпа демонов, вооруженных когтями и клыками, которые могут разорвать на куски в считанные секунды, поневоле испугаешься.

– Бл-л-л-р-р-р-у-а-а-а-у!

На меня неслась какая-то тварь, с головы до ног покрытая черными волосами. Не надо было отвлекаться на разговоры! Я нацелил свой тяжелый дубовый посох туда, где, по моим подсчетам, должна была находиться морда чудовища. Волос

на нем было так много, что части тела можно было определить лишь условно. Единственное, что прямо-таки бросалось в глаза, так это чрезмерное количество зубов.

Волосатая тварь с визгом отпрянула. Должно быть, я задел что-то жизненно важное! Жаль, не знаю, что именно, а не то непременно бы закрепил успех. Воспользовавшись мгновенной передышкой, я обернулся посмотреть, как идут дела у друзей.

Снаркс боролся с грудой фиолетовых мускулов, а Хендрик отмахивался Головоломом от дюжины демонов,седавших на него со всех сторон. Эбenezум заходился в очередном приступе насморка, с головой закутавшись в свою чародейскую мантию, но больше ему пока ничто не угрожало. В общем и целом мы недурно справлялись с этой ордой мерзавцев. Что ж, дополнительная тренировка в сражениях с Голоадией никогда не помешает! И я снова замахнулся дубовым посохом на волосатого демона. Он тут же отскочил, зная, что за этим последует. «То-то же, паразит эдакий!» – подумал я. Самым страшным выползнем из Голоадии не справиться с благородным отрядом волшебника Эбenezума!

Огромная тварь, пуская слюни, кинулась прямо к брауни.
– О, всего лишь? – удивился тот. Ноги его задвигались в каком-то подобии танца, он трижды подмигнул.

Слюнявый тут же исчез.

– Что это такое? – Я не смог скрыть изумления.

Брауни поглядел на свои ноги:

– По-моему, этот танец называется фокстрот. – Он подмигнул мне. – Ну и еще, конечно, Сила брауни!

– Проклятие! – воскликнул Хендрик, съездив по черепу последнего демона, что еще стоял перед ним.

– Урк! – С этим воплем тварь исчезла. Демон, борющийся со Снарксом, тоже взвизгнул и растворился в воздухе. И тут я понял, что вокруг нас не осталось ни одного исчадия Голоадии.

– Ловко я с ними разделался, а? – И брауни расплылся в улыбке.

– Не стоит слишком ему доверять, – заметил Снаркс. – Это было обыкновенное голоадское заклятие Умножения. Пользоваться им может и ребенок.

Улыбка сошла с лица брауни.

– Правильно, принижайте нас. Не зря ведь нас называют маленьким народом. Мы малорослы, так зачем считаться с нами?

– Читаешь мои мысли, – согласился с ним Снаркс. – Ну а теперь, когда мы избавились от этого навязчивого типа, не заняться ли нам своими делами?

– Избавились? – завопил брауни. – Посмотрим, как ты избавишься от Магии брауни! – И он принялся выписывать ногами замысловатые вензеля.

– Проклятие! – Головолом обрушился как раз между двумя спорщиками. Хендрик смерил обоих мрачным взглядом.

– Мы сражаемся только с демонами, – с нажимом произ-

нес рыцарь. – Мы не сражаемся друг с другом.

– А что это такое, – поспешил вмешаться я, – заклятие Умножения?

– Да обыкновенное крючкотворство, плохо сработанное к тому же, как и все в Голоадии, – небрежно бросил брауни. – Демоны используют это заклинание, когда у них кадров не хватает. Простая уловка, чтобы пустить пыль в глаза, когда ни на что другое нет сил.

– Так ты хочешь сказать, что нас не атаковала целая орда демонов? – изумился я.

– Ну, если два-три демона – орда, то конечно, – ответил брауни.

Не веря своим ушам, я ударил посохом о землю. Мои руки еще помнили его тяжесть, когда я размахнулся, чтобы захватить волосатому по физиономии, в моих ушах все еще звенел его визг, когда он отскочил в испуге. Мы справились бы и с худшей ордой голоадских созданий!

– Значит, их было всего двое? – переспросил я.

– Ага! – последовал жизнерадостный ответ брауни. – Это заклятие может заставить сражаться часами. Потом демоны просто исчезают. Но к тому времени ты уже безнадежно опоздал туда, куда шел. Или наоборот – призрачные демоны не дадут сдвинуться с места, пока не подспеют настоящие!

– Я мог бы сказать тебе то же самое! – вмешался Снаркс. – Все эти штучки давно известны! И я так же хорошо отличаю настоящих демонов от поддельных, как и любое другое ма-

гическое существо!

– Ну да, а где же ты раньше был? – язвительно заметил брауни.

– Слушай, ты, коротышка! – заорал маленький демон. – Я бы и предупредил остальных, если бы ты не разводил тут демагогию! Честному демону уже и слова вставить не дадут! Почему бы тебе не порассуждать о чем-нибудь, в чем ты лучше разбираешься, о башмаках например?

– Ну вот опять! – завопил малыш. – Опять стереотипы! Вы у меня еще узнаете...

– Проклятие! – Головолом опять с грохотом опустился между ними. – Что я вам говорил о ссорах?

– Ссора? – Снаркс пожал закутанными в плащ плечами. – Да это обыкновенная размолвка, дружище Хендрик. Не сошлись во мнениях, только и всего. Разве это похоже на ссору?

С этими словами Снаркс нежно погладил Головолом.

– Проклятие, – повторил Хендрик, но на этот раз значительно мягче. – Мы должны как можно скорее отправляться в Вушту. От этого зависит наша жизнь.

Откуда-то издалека до нас донесся голос Эбenezума:

– Рыцарь прав. Я тоже отличил подделку, подсунутую нам Голоадией, от настоящих демонов, но, к несчастью, ничего не мог поделать. По какой бы причине наши враги ни прибегли к Заклятию Умножения, ничего хорошего для нас это не предвещает. Вунтвор, скажи нам скорее, что ты видел?

Что ты узнал от Нори?

Нори! Я совершенно позабыл о том сияющем мгновении, когда видел ее воочию, в последовавшей затем суматохе. Она назвала меня по имени! Разумеется, моя концентрация тут же ослабла. А чья бы не ослабла, интересно? Как бы получше объяснить это волшебнику...

Нори! Ну конечно – ведь брауни вернулся! Он должен был принести известие!

– Живее, малыш! – крикнул я ему. – Скажи нам, что тебя просила передать женщина!

– Что? – Брауни уставился на меня с таким недоумением, точно слышит обо всем впервые. Потом поскреб в затылке. – Ах да! Та женщина. Я вспомнил, как ее зовут! Нори! – Брауни принялся кивать и улыбаться, точно ожидая похвалы.

Нори! Звук имени моей возлюбленной чуть было опять не заставил меня позабыть обо всем на свете. Но нет! Сначала я должен вытянуть из брауни то, о чем не смог спросить сам.

– Да уж... – произнес я, подражая учителю. – Мы рады, что тебе удалось вспомнить имя молодой женщины. Может быть, ты передашь нам и ее известие?

– Известие? О да. – Брауни кашлянул. – О боги! Я так и знал, что позабыл о чем-то.

– Вот видите! – торжествуя воскликнул Снаркс. – Что я вам говорил? Брауни! Стоит им выпустить из рук ботиночные шнурки...

– Сэр! – выкрикнул брауни резко. – Вам не удастся за-

пугать брауни! Мы шьем башмаки, это правда, но мы шьем очень хорошие башмаки. За помните, сэр, девиз брауни: «Мы малы, но нас много».

Снаркс поежился:

– Тысячи крохотных башмачников, от горизонта до горизонта... – Демон умолк, увидев, как пальцы Хендрика забегали по рукоятке Головолома. Потом опять повернулся к брауни. – Что ж, может, я и впрямь рано к тебе придираюсь. Поучись еще годок-другой, глядишь, что-нибудь и выйдет.

Брауни поднял обе руки:

– Ну ладно, ладно, признаю, до сих пор мне не все удавалось безукоризненно. Я уже объяснял: мы, брауни, не привыкли действовать у всех на виду. Вот что я вам скажу. Здесь нет этих плаксивых фей? Так я и думал: только жареным запахом нет, как их и след простыл. Одна заварушка вроде этой, и проще найти иголку в стоге сена, чем этих ребят! Видите? Я тоже мир повидал, знаю, что в таких случаях говорят люди! – Брауни вспрыгнул на торчавший поблизости пенек, чтобы прибавить себе росту. – В присутствии всех вас даю торжественное обещание! – Крохотный кулачок со звоном ударился в крохотную грудь. – Мы все знаем, на что годятся феи. Я имею в виду три желания. Так вот, я покажу вам, что брауни делают это лучше! – Голос его упал почти до шепота. – Слушайте, я знаю, что вы, ребята, попали в какую-то переделку. Дело не только в сообщении той девушки, которое я никак

не вспомню. Просто у нас, у брауни, есть глаза. Как только я увидел вашу потасовку с теми типами из Голоадии, сразу понял, что дела ваши неважные. Но я хочу вам помочь, и вот что я сделаю. Впервые на этом континенте вам предоставляется возможность загадать три желания – не фее, а брауни!

– Желания от брауни? – Снаркс демонически усмехнулся. – Мне сорок седьмого размера, пожалуйста.

Человечек явно огорчился:

– Когда-нибудь Сила брауни спасет тебе жизнь, вот тогда устыдишься своих слов.

– О да, – съязвил Снаркс. – Но у меня такое чувство, что от стыда я не умру.

– Проклятие! – Головолом снова просвистел в воздухе.

– Вунтвор? – донесся до меня голос по-прежнему державшегося в отдалении волшебника. – Можно тебя на минуточку? – Вот и настал момент истины. Учитель больше не собирается безучастно наблюдать за развертывающимся на его глазах фарсом. Пришла пора ответить за все. – Вунтвор, – повторил шепотом учитель, когда я подошел ближе, – мне нужно серьезно с тобой поговорить. – Он кивнул в сторону небольшого пригорка. – По ту сторону этого холма мы сможем побеседовать спокойно.

О нет, это еще хуже, чем я ожидал! Мне и раньше случилось испытывать гнев волшебника. Неужели Эбenezум хочет отвести меня подальше, чтобы другие не слышали, как он будет меня отчитывать?

Волшебник повернулся и пошел к холму, я за ним.

– Ну ладно! – разорвался у меня за спиной брауни. – Я вам покажу, на что я способен! Дарю вам одно маленькое желание – на пробу.

– Ну, маленькое желание я могу придумать, – ответил Снаркс.

– Проклятие! – заорал Хендрик.

– Я буду себя хорошо вести! Буду! – это уже был Снаркс.

Раздался грохот.

По мере того как мы удалялись, звуки становились все менее отчетливыми.

– Ну наконец-то, – повернулся ко мне Эбenezум. – Здесь можно поговорить спокойно.

Волшебник откашлялся. Я торопливо заговорил. Быть может, если я честно расскажу ему, как все было с Нори, он не будет сердиться.

– Да уж... – Эбenezум подергал себя за бороду. – Неудивительно, что ты не можешь сосредоточиться, когда вокруг такой бедлам. Именно поэтому я и позвал тебя сюда, ученик. – Маг продолжал почти шепотом. – Я заметил, что в последнее время наш способ передвижения утратил прежнюю эффективность. Честно говоря, попутчики нам больше мешают, чем помогают.

Я напомнил учителю о том, как полезны были они нам в наших битвах с Голоадией.

– Верно, – согласился он. – Но давай посмотрим на про-

блему с другой стороны. Несколько минут назад Хендрик говорил о необходимости как можно скорее добраться до Вушты. Нельзя с ним не согласиться, как нельзя и не признать, что именно это нам и не удастся. У нашего отряда есть свои недостатки. Если голоадцы хотят нас найти, то сделать это легче легкого: нас много и мы большие. Кроме того, единственное, что в данный момент движется по-настоящему быстро, – это языки наших попутчиков. – Волшебник вздохнул и поскреб макушку под шляпой. – Верно и то, что каждый из наших попутчиков по-своему полезен. Хендрик, например, хорошо управляется со своей зачарованной дубиной. Снаркс знает о демонах такие вещи, которые мне никогда и в голову не приходили. А брауни...

Он умолк на мгновение, взглядываясь в просеку по ту сторону холма, где все еще продолжался спор. Сначала я думал, что Эбenezум относится к брауни как к еще одному курьезу, встреченному нами на пути. Но чем дальше, тем больше мне казалось, что брауни потихоньку растет в глазах волшебника.

– Нет, лучше нам продолжать путь одним, – закончил Эбenezум и громко высморкался. – Как ты, без сомнения, заметил, у меня возникли и другого рода сложности с нашими попутчиками. Мой нос реагирует на все волшебное – например, на дубину Хендрика или демона Снаркса. Трудно поддерживать отношения с союзниками, когда только и думаешь, как бы не чихнуть. Появление брауни делает даль-

нейший контакт просто невыносимым. Ради моего носа мы должны продолжать путь одни. Надевай мешок, Вунтвор.

Волшебник расправил складки своего одеяния и зашагал по тропинке, уводящей вдаль от холма, за которым продолжали ссориться наши бывшие спутники.

– Лучше побыстрее добраться до Вушты, и добраться живьем. Когда мы окажемся среди магов, то сможем сделать для Снаркса, Хендрика и им подобных гораздо больше, чем оставаясь в этом лесу и отбивая бесконечные атаки демонов.

Я, покорный слову учителя, взвалил на спину тяжеленный мешок, взял в руки увесистый дубовый посох и зашагал следом.

– Учитель, – робко обратился я к нему, – а как же быть с предупреждением Нори? Что, если оно касается только нас двоих?

Волшебник с серьезным видом потянул себя за бороду:

– Так или иначе, скоро узнаем. Идем, Вунтвор. Мы должны отойти подальше.

И вот мы опять шагаем так же, как шагали большую часть пути, – волшебник впереди, углубившись в свои таинственные размышления, я немного сзади, таща на спине мешок с нашими пожитками и всякой колдовской всячиной, которая уже не менее дюжины раз спасала нам жизнь. Надо признать, было что-то успокоительное в возвращении к привычному способу продвижения. Учитель задал хороший темп, и с каждым нашим шагом лес вокруг становился все тише и

тише.

Наконец мы достигли очередной прогалины. Учитель остановился:

– Теперь мы, пожалуй, достаточно далеко ушли от наших шумных друзей. Пора, Вунтвор. Время поговорить с Нори.

Я огляделся по сторонам. В этой части леса птиц, кажется, вовсе не было. Но если учитель хочет, чтобы я применил заклинание контакта, то я это и так сделаю. Кругом было настолько тихо, что сосредоточение не потребует никаких усилий.

Я вспомнил воробья. Маленькая серая птичка, неприметная с виду. Прошептав нужные слова, я тут же, весело чирикающая, взмыл с воображаемой ветки в воображаемое небо. Нори! Сердце мое воспарило выше облаков. Нори!

Далеко внизу я увидел рыжие волосы моей возлюбленной. Сбросив высоту, я приблизился к ней. Крылья мои со свистом рассекали воздух. На этот раз я узнаю, что она хотела нам сообщить!

– Вунтвор? – Нори подняла голову.

– Да! – воскликнул я, переполняемый восторгом. – Я...

Волшебник чихнул.

– Нори! – позвал я.

Земля у меня под ногами содрогнулась. На нас с учителем посыпался настоящий град из комьев глины и мелких камешков. Коварные демоны! Они напали в тот самый момент, когда мы абсолютно беззащитны!

Учитель продолжал безостановочно чихать. Значит, придется мне в одиночку управляться с демонами, пока он не оправится настолько, чтобы сотворить какое-нибудь заклинание. Я замахнулся посохом, готовясь нанести удар тому, кто первым покажется из поднятого взрывом облака пыли.

– Вот они! – прозвенел тоненький и, увы, слишком хорошо знакомый голосок.

Сначала на землю осела пыль, составлявшая нижнюю часть облака, и мы увидели человечка полтора футов роста, одетого в коричневый костюмчик и такой же точно плащ с капюшоном. По одну сторону от него стоял некто в длинном плаще; по другую, поддерживаемые мощными ступнями, возвышались толстые икры и могучие ляжки.

Ножонки брауни самым жалким образом подкосились, и он сел прямо на землю.

– Прошу прощения, ребята. Надо немного передохнуть.

– Проклятие! – раздался зычный голос. – Брауни выполнил свое обещание!

– Да, да, – проскрипели в ответ. – Не самый, однако, комфортабельный способ передвижения, не так ли?

Теперь, когда пыль улеглась, я отчетливо видел Снаркса, пытавшегося вытряхнуть землю и мелкие камешки из складок своего плаща.

– Ну вот, посмотри, что ты наделал! – Хендрик, увидев моего учителя, принялся поспешно убирать Головолом в мешок. – Как ни пытались коварные демоны разлучить нас с

волшебником, малыш брауни доставил нас к нему, хотя на это и ушли все его силенки.

С этими словами он устался на Снаркса. Демон юркнул в капюшон своего объемистого одеяния.

– Гзззпхххтксс! – донеслось оттуда.

– Проклятие! – буркнул Хендрик и повернулся к нам с волшебником. – Хорошо еще, что мы нашли вас. Очевидно, планы Голоадии еще гнуснее, чем мы предполагали. Они собираются разъединить нас и перебить поодиночке, без пощады!

Учитель погладил свою длинную белую бороду.

– В самом деле, – заметил он, – нам следует быть более бдительными.

Хендрик указал запрятанным в мешок Головоломом на человечка, который по-прежнему сидел в пыли:

– Благодарение богам, что нам повстречался сей благородный брауни.

– О нет! – воскликнул тот, проворно вскакивая на ноги. – Это еще было не желание! Вы ведь просили показать, что я умею, – пожалуйста! Я хотел, чтобы вы поняли, насколько велика Сила брауни! Три желания еще впереди!

Я взглянул на учителя. Тихий уголок леса внезапно наполнился шумом и гамом. Нашему уединению пришел конец, а вместе с ним исчезла и возможность поговорить с Нори. Но Эбenezум как ни в чем не бывало стоит посреди этого бедлама, поглаживает бороду и, кажется, нисколько не возражает

против столь неожиданного изменения планов.

– Это хорошо, – изыскал он наконец возможность вставить словечко. Прочистив свое магическое горло, он продолжал: – Мы в опасном положении, причем даже не знаем истинных размеров угрожающей нам опасности. Ради нашего общего блага мы должны что-нибудь предпринять.

– Проклятие! – отозвался Хендрик. – Что ты имеешь в виду, о великий маг?

– Нам нужно немного рассредоточиться, что бы не служить слишком удобной мишенью для атак Голоадии, – предложил волшебник. – Но это лишь вторая по важности вещь, которую я хотел вам сообщить.

Громадный рыцарь окинул поляну подозрительным взглядом:

– А первая?

– Первая заключается в том, чтобы ни на минуту не оставиваться. – С этими словами волшебник повернулся к нам спиной и пошел дальше. – Какие-нибудь возражения?

– Сспррзбфл! – Снаркс поднял полы своего многослойного одеяния. На его ногах красовалось что-то вроде новеньких башмаков.

– Неужели тесноваты получились? – с сочувствием в голосе спросил брауни, огорченно качая головой.

– Гффтбл!

– Не может быть, ведь башмаки – единственное, в чем брауни знают толк. Ты ведь и сам так говорил! – И брауни при-

пустил за волшебником, чья спина уже почти скрылась из виду за ближайшими деревьями.

– На Вушту! – издал клич Хендрик и двинулся вслед за брауни – на десять шажков того приходился один его шажисце.

Я взвалил на спину мешок и взял в руку верный посох.

Ворча и вздыхая, Снаркс замкнул процессию. Наконец-то мы вновь движемся к нашей цели! Теперь нас ничто не останавливает.

И тут, на самом краю леса, мы увидели единорога.

Глава четвертая

«В ученых кругах крупнейших городов нашего королевства постоянно обсуждается вопрос, существуют ли на самом деле сатиры, кентавры, грифоны и другие фантастические животные, или они являются продуктом нашего воображения. Я, будучи волшебником, безусловно, принимаю сторону сатириков, грифонов и кентавров, в особенности когда последние начинают выражать сомнение в существовании каких-либо ученых кругов в наших городах».

«Наставления Эбнезума», том XXXVI

Единорог мчался нам навстречу.

Я потерял дар речи. Все, что я мог, – это стоять и смотреть.

– Роо-о-ох! – выдохнул Хендрик, со всего маху врезавшись в мой мешок. За этим последовало длинное сложное ругательство.

Я положил руку ему на плечо, чтобы он утих, и указал на приближающееся животное. Хендрик оборвал свою выразительную речь на полуслове, так как язык внезапно отказался повиноваться ему. Все его внимание, как, впрочем, и мое тоже, было приковано к волшебному созданию.

Как мне его описать? Его золотые копыта втоптали бы в грязь любые слова сравнения, даже приди они мне в голову.

Но что еще мне остается, как не попытаться?

Вообразите себе белую лошадь, но не просто белую, а цвета снега, только что выпавшего из облаков и не успевшего еще утратить первоначальную чистоту от соприкосновения с околосземным воздухом. Вот такую лошадь, здоровую, сильную, быструю как ветер. Мускулы ходуном ходят под шкурой, когда создание мчится сквозь притихший лес, земля дрожит от стука копыт.

Но это существо не просто лошадь, ибо на его лбу, там, где начинается ниспадающая каскадами белоснежная грива, сияет золотой рог длиной в половину человеческой руки. Он не прямой, но и не изогнутый, точно ни прямизна, ни кривизна не в состоянии выразить божественной сути его обладателя. Он вздымается над головой единорога, стремясь к солнцу.

Кстати, о солнце. Мы снова увидели его, так как вышли на поляну. Густой лес, сквозь который мы с таким трудом пробирались в последние несколько дней, расступился, открыв нашему взору приличных размеров лужок, где в высокой сочной траве росли яркие цветы. По лугу двигались тени от облаков, которых в тот день было довольно много, и казалось, будто на земле расстелено лоскутное одеяло, сшитое из кусочков тени и солнечного света.

Каким мучительным был наш путь через сырой и холодный лес! Как жаждал я увидеть хотя бы один солнечный лучик! И вот теперь передо мной простиралась целая залитая солнечным светом поляна, но я видел лишь сверкающую,

точно бриллиант, спину и золотой рог приближавшегося животного.

Но ничего странного в этом не было. Если уж нам суждено еще раз увидеть солнце после многодневного странствия по лесу, то почему бы и не при таких исключительных обстоятельствах? Столь величественное животное, как единорог, вполне заслуживает всех тех почестей, которые только в состоянии воздать ему и человек, и природа, включая само солнце.

Прямо перед нами единорог поднялся на дыбы. С такого близкого расстояния он выглядел еще более удивительно прекрасным. В нем словно воплотилась сама душа магии. Он стоял всего в дюжине шагов от нас, излучая мир, покой, уверенность и красоту. Особенно брал за душу взгляд его больших карих глаз.

– Как они могли! – воскликнуло удивительное создание.

Эбenezум высморкался и сделал шаг влево, стараясь держаться наветренной стороны.

– Вот как? – вполголоса заметил волшебник. – Как они могли – что?

Единорог окинул нас усталым взглядом, затем бросил беглый взгляд через плечо:

– Не знаю, с чего и начать. Спокойно занимался своими единорожьими делами, как вдруг они накиннулись на меня!

С этими словами воплощенное совершенство тревожно всхрапнуло.

– Умоляю, продолжайте, – обратился к нему волшебник, рассеянно теребя бороду. – На вас напали? Кто? Демоны?

– Нет, нет! – вскричал единорог. – Гораздо хуже! Обычных демонов я пронзил бы своим рогом, расшвырял в разные стороны. Но подвергнуться нападению этих! – Дрожь пробежала по членам благородного животного. – Что они со мной сделали! Даже сейчас у меня едва хватает сил говорить об этом! Они связали мои копыта – мои золотые копыта, предназначенные лишь для того, чтобы топтать зеленую траву и мягкий дерн! Они спрятали мой золотой рог, венец моей красоты и защиту от несправедливости! Они обмотали его самыми обыкновенными подушками, приговаривая: «Это чтобы кто-нибудь ненароком не напоролся, ха, ха!» Мой великолепный золотой рог и... и... подушки! – Единорог умолк на мгновение, судорожно вздохнул и шепотом продолжил: – А еще они вываляли в грязи мою роскошную белую гриву.

– Да уж! – отозвался учитель.

– Мою гриву! – повторил единорог и негодуяше тряхнул головой. – Теперь-то вы понимаете, как со мной обошлись? У них нет и капли уважения к моей породе. Да к тому же все они были далеко не девственники! Хотя, конечно, в нашей части леса в этом нет ничего удивительного, но все же...

Единорог громко фыркнул. Похоже, возмущение его достигло предела, так что он даже говорить не мог.

Над нашими головами мелькнула чья-то гигантская тень. Единорог тоненько заржал.

– Это они! – воскликнуло благородное животное. – Они нашли меня! – Он поднял голову и забубнил, испуганно озираясь по сторонам: – Вы ведь не поверили всему, что я тут говорил, правда? Я немного расстроился и погорячился! Сам не знаю, что на меня нашло! А насчет девственности – это я так, пошутил! Честное слово!

Тень исчезла. – Да уж... – Учитель заговорил самым мягким голосом, которым он обычно умягивал богатых клиентов и отвлекал сборщиков налогов. – Кто бы они ни были, сейчас они, похоже, ушли. Если вы попали в беду, то, может быть, мы сможем вам помочь. Случившееся как-то связано с деньгами?

– Зачем магическим животным деньги? – Единорог в отчаянии потряс прекрасной головой. – И почему я решил, что простые смертные поймут меня?

– О'кей! Настала пора специалисту взять дело в свои руки. – Брауни шагнул вперед. – Мы, два волшебных существа, быстро договоримся. И я даже не считаю это за желание, учтите. Знайте Силу брауни!

– О нет, я и так уже слишком много сказал! – И единорог отшатнулся от низкорослого «специалиста».

Но брауни снова приблизился к нему, ничуть не смущаясь разницей в росте.

– Так, давай сразу к сути, – взял малыш быка за рога. – При чем тут девственность?

– Что? – Единорог встряхнул головой. – Ну, мы просто на

этом специализируемся. Ну, вроде как брауни всегда шьют башмаки. Считается, что единороги всегда определяют, девственный ты или нет.

– А мы это все изменим! – тут же завелся брауни. – Брауни делают это лучше! – Малыш откашлялся. – Прошу прощения. Стереотипы – мое больное место. – И тут же метнул укоризненный взгляд на Снаркса, зарывшегося в складки объемистого капюшона. – Я всегда интересовался этой проблемой. А что, единороги специально девственниц выискивают?

– Вообще-то нет, – ответил белоснежный зверь. – Лично я всегда считал, что прямая задача единорога – резвиться в изумрудных лугах и выглядеть при этом бесконечно прекрасным. Девственность – это попутно. Но мы всегда можем отличить, кто девствен, а кто нет. Вот, например, среди вас есть девственник.

Раздался всеобщий вздох изумления.

– Да. Здесь есть девственник. Можете мне поверить, я на этот счет никогда не ошибаюсь. Мы, единороги, в этом лучше всех разбираемся. – Единорог с небрежным изяществом потрянул головой. – Хотя вообще-то мы много чего умеем.

– Подождите секундочку, – взмолился я, несколько обеспокоенный оборотом, который принял разговор. – А разве девственницы – это не девушки?

– Распространенное заблуждение. Нет, девственность и есть девственность, что у девушки, что у юноши, и я ее чув-

ствую. – Единорог снова пере вел взгляд с Хендрика на меня и обратно.

– Проклятие... – изрек крупногабаритный рыцарь.

Внимательный взгляд животного начал меня раздражать. На что вообще этот перекачанный тип намекает? Снаркс пробормотал что-то нечленораздельное в недрах своего капюшона.

– Что ж, – волшебник, стараясь как можно незаметнее прикрыть нос рукавом, вновь взял инициативу в свои руки, – все это, конечно, очень интересно, но не могли бы вы поточнее объяснить, от кого вы убегаете?

– Убегаю? – И единорог ударил в землю золотым копытцем. – Единороги никогда ни от кого не убегают! Хотя это, разумеется, не совсем так. Скажем, умный единорог всегда знает, с кем лучше не встречаться. – И животное вновь нервно оглянулось по сторонам.

Волшебник высморкался.

– И с кем же?

Единорог снова посмотрел на него:

– Я и так сказал слишком много. – Обращаясь ко всем нам, он мотнул головой в ту сторону, откуда пришел, и произнес: – Не ходите туда. – Рог животного указывал как раз в направлении Вушты. – Большого я сказать не могу. Да хранит вас удача единорога.

Могучее животное поднялось на дыбы и ускакало в лес, откуда мы вышли.

– Благословение единорога! – Снаркс скинул капюшон. – Если то, о чем здесь болтала эта карусельная лошадка, – правда, то от удачи единорога толку не больше, чем от трех желаний брауни!

Демон проворно натянул капюшон, заметив, что брауни поворачивается к нему.

– Проклятие, – предупредительно изрек Хендрик. – Осмелимся ли мы пойти дальше и подвергнуться опасностям, о которых говорило животное?

– Мы должны, – настаивал волшебник. – Только убери сначала дубину, пожалуйста. Вот умница. В данном случае замечание нашего друга Снаркса вполне уместно. Как известно, ценность информации во многом определяется ее источником. Источник, которого больше всего волнует состояние собственной гривы, не заслуживает никакого доверия.

– Что бы ни случилось, – прозвенел по-комариному тоненький голосок, – помните, брауни с вами!

– Разумеется. И будь уверен: когда придет время, мы сумеем тебя как следует отблагодарить.

– А как же предупреждение Нори? – напомнил я. – Может быть, этот единорог видел что-нибудь?

– Если бы я только знал, Вунтвор. – Волшебник уставился в небо, надеясь, возможно, разглядеть среди рассыпанных по нему облаков то, что так напугало единорога. – Если бы мы жили в совершенном мире, то я изучил бы этот во-

прос не спеша, призвав на помощь все свои знания и опыт, и пришел бы к поистине ученому, мудрому решению. К несчастью, этот мир становится с каждым днем все более и более далеким от совершенства. Все происходит так быстро, что волшебнику с его заклинаниями никак не успеть. – Учитель тщательно расправил складки своего одеяния, постаравшись придать им как можно более эстетически законченный вид. – А потому придется нам полагаться исключительно на магическую интуицию. Вунтвор, собирайся! Идем в Вушту!

С этими словами Эбenezум повел нас через поляну к другой стене деревьев, казавшейся столь же малопроезжимой, как и та, сквозь которую мы совсем недавно пробрались. Я на секунду задержался, чтобы окинуть прощальным взглядом залитый солнцем простор, прежде чем снова погрузиться в холод и мрак.

Далеко позади раздалось ржание единорога.

– Я придумал, какое первое желание вам загадать!

От голоса брауни я прямо подпрыгнул.

– Извини! – пропищал тот. – Я иногда слишком увлекаюсь. Это часть моего Универсального Позитивного Имиджа.

Я посмотрел туда, откуда донесся крик единорога, но деревья стояли сплошной стеной, и ничего нельзя было увидеть.

– Ты можешь перенести нас отсюда куда-нибудь? – спросил я.

– Извини. Мы с твоими друзьями это уже пробовали. –

Брауни нахмурился и покачал головой. – Слишком напрягает магические мускулы.

Брауни умолк. С некоторым опозданием до меня дошло, что он, вероятно, ждет от меня какого-нибудь ответа: так напряженно я вслушивался, не подаст ли признак жизни единорог или те существа, от которых он спасался.

– А какое желание ты имел в виду? – спросил я наконец.

– Здравствуйте! – возмутился брауни. – Ты что, никогда про три желания не слышал? Мое дело их выполнить, а придумай ты уж сам как-нибудь!

Я кивнул. Брауни, безусловно, был прав. Но за последнее время столько всего случилось, что мне про желания думать было как-то некогда.

– Знаю, знаю, – продолжал он, – до сих пор мое исполнение было небезупречно. Но именно поэтому я и предлагаю вам три желания. Девиз брауни: «Это не волшебство, это Сила брауни!» – Тут он перешел на шепот. – Я наблюдаю за твоим учителем. Печально: великий волшебник лишен возможности заниматься магией из-за какой-то болезни носа. Видишь? Мы, брауни, народ приметливый! А тот брауни, которого ты видишь перед собой, еще и лекарство знает!

Я повернулся и уставился на человечка. Лекарство? Надежда росла во мне, как заря летним утром. Стоит только Эбenezуму вернуть силы, и мы доберемся до Вушты в считанные минуты!

– Уверен, что это сработает. – Голос его стал еле различим.

мым. – Однако это тоже связано с башмаками.

Я почувствовал, что надежда пошла на убыль. В конце концов, я имею дело с растяпой брауни, который забывает, кто и что ему поручает передать. Может быть, Снаркс не так уж и заблуждается на его счет.

Малыш глянул на демона, шагавшего бок о бок с Хендриком. Можно подумать, что он прочел мои мысли.

– Некоторые надо мной смеются, – продолжал он шепотом, – но начинать всегда надо с того, что лучше знаешь. Так говорит Его Браунийское Величество.

Его Браунийское Величество? Но я удержался от вопроса.

– В общем, я могу сделать такой огромный башмак, в котором твой учитель сможет спрятаться, как в доме, и тогда никакая магия ему будет не страшна. – Брауни остановился и топнул крохотной ножкой. – Я вижу, ты мне не веришь! Вот подожди, увидишь. Рекламный показ, вот что нам нужно. Я только загляну в свои записи, и, как только что-нибудь случится, специальное предложение от брауни – огромная туфля – к вашим услугам! Учитель начал чихать.

– Проклятие! – взревел Хендрик, глядя на верхушки деревьев.

– Давай свою туфлю! – закричал я, но мой голос утонул в свисте гигантских крыльев.

Глава пятая

«Волишебник всегда должен помнить, что выносить суждение о человеке или предмете по первому впечатлению неправильно. Внутренняя, скрытая сущность человека или другого разумного существа может сделаться явной лишь при более близком с ним знакомстве; иногда в процессе познания обнаруживаются и скрытые финансовые резервы, из которых впоследствии можно черпать, окупая затраты времени и сил».

«Наставления Эбenezума», том LVI

Кто-то пихнул меня к земле. Что-то схватило меня. Оно было твердым как камень. И тут же меня подняли высоко в воздух с такой же легкостью, с какой я сам поднимаю иногда с земли травинку или букашку.

Бросив взгляд вниз, я увидел стремительно уменьшавшихся Хендрика, Снаркса и брауни, которые с выражением ужаса на лицах не сводили с меня глаз. А где же учитель?

Слева от меня кто-то чихнул. Борясь с ветром, я кое-как повернул голову и увидел Эбenezума, зажатого в тисках желтой когтистой лапы. Оглядев себя, насколько это было возможно, я увидел когти и понял, что и меня держит такая же лапа.

Лицо мое было обращено к земле, и я не мог, не вывернув шею, разглядеть того, кто нас схватил. Учитывая размер ког-

тей, незнание могло оказаться благом. Я мог разглядывать только пронесившиеся далеко внизу пейзажи и пожалел, что так плотно пообедал накануне.

Двигались мы с быстротой, превосходящей самые смелые фантазии. Я боялся, как бы ветер не сорвал одежду с моего и без того окоченевшего тела.

В ушах у меня стоял свист, из глаз лились слезы. От страха и злости я завопил, но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь слышал мои крики, – настолько силен был шум ветра. Что могло быть хуже или унижительнее такой беспомощности?

И тут когти нашего похитителя начали разжиматься.

Я ухватился за чешуйчатую желтую лапу. Лучше уж вечно лететь, терзаемым беспощадными ветрами поднебесья, чем упасть с такой высоты и быть разорванным в клочья ветвями деревьев! Но они неумолимо приближались. В панике я и не заметил, что наш похититель, видимо, собрался приземлиться.

Неожиданно перед нами открылась заполненная людьми поляна. Но нет, то были не люди. То были абсолютно иные существа.

И тут когти разжались.

Поднимаясь на ноги, я беспокоился об учителе. Но он был рядом, – правда, его черное одеяние растрепалось, шляпа куда-то исчезла, однако в остальном он был, кажется, цел и невредим. И разумеется, чихал без остановки.

Вдруг где-то поблизости раздался страшный рев. Я при-

вычно потянулся за своим тяжелым дубовым посохом, но его нигде не было. И тут только до меня дошло, что и посох, и мой мешок остались там, на поляне, где мы повстречали единорога!

Значит, придется драться кулаками. Не отводя взгляда от травы под ногами, я постарался успокоиться и утвердиться в решимости сражаться, если понадобится, до последнего вздоха – за Эбenezума, за Вушту!

Я поднял голову и оказался лицом к лицу с существом, подобного которому мне не доводилось видеть ни разу в жизни.

– Золото у тебя есть? – Голос прозвучал как отдаленный раскат грома. Голова создания была как у орла, однако тело ничего общего не имело с птичьим, скорее, оно напоминало тело льва. Так это он ревел? Не очень ободряющий звук. Еще у него были огромные крылья и хвост, похожий на заднюю половину длиннющей змеи. Понятное дело, я несколько оробел.

Тварь снова заворчала, очевидно недовольная моим молчанием:

– Еще раз спрашиваю, золото при себе есть? Что я мог ему ответить? Я и понятия не имел, есть у нас золото или нет. Всеми нашими финансовыми делами всегда ведал Эбenezум. Но в присутствии этого непростого создания волшебника снова скрутил жестокий приступ насморка. Змееобразный хвост твари начал нервно подергиваться. Клюв раскрылся, и из него вылетел не поддающийся описанию звук: по-

хоже было, будто львиный прайд пытается заглушить своим ревом клекот стаи орлов. Ужасно неприятно.

– Па, кончай! – Еще одно магическое животное, на этот раз с головой и крыльями орла, приставленными к лошадиному телу, галопом пронеслось между мной и ужасающим видением напротив. – Ты что, не видишь, парнишка в штаны наложил от страха?

– Но мы же должны соблюдать обычаи! – строго заметил отец. – Грифоны всегда требуют золото.

– Да, ко как раз обычаи-то мы и собирались поменять, забыл?

– Ах да! – Грифон судорожно сглотнул. – Ладно, поговорим об этом попозже, без посторонних. Смышленный мальчик. – Ни к кому особенно не адресуясь, он продолжал: – Своевольный немного, но зато смышленный.

– Но, па! Ты же должен им сказать!

Грифон повернулся к сыну и рявкнул:

– Я ничего никому не должен!

– Но, па! Зачем же мы тогда их сюда притащили?

– Ах да. – Грифон снова умолк. – Верно. – Животное повернулось ко мне. – Вы были похищены не без причины.

Грифон-сын направился к моему все еще не оправившемуся от приступа учителю:

– Знаешь, па, похоже, у этого парня большие проблемы.

– Ты еще учить меня будешь! – Разозлившись, Грифон хватил когтистой лапой по траве. Та стала значительно ко-

роче. – Молодежь нынче пошла! Ничем на них не угодишь! Послушай-ка меня, сын, и заруби себе на клюве: нечего меня перебивать!

– Но я же хочу помочь! – И сын топнул копытом. – Пока ты раскachaешься, сто лет пройдет!

– Никакого уважения! – глухо проворчал Грифон. – Когда я был в твоём возрасте, никто не носил таких длинных перьев. Ты всех мифических животных позоришь!

Из-под мантии, в которую с головой спрятался Эбenezум, доносилась канонада сплошных «Ап-чхи!».

– С ним надо что-то делать. – Грифон-сын слегка подтолкнул волшебника своим клювом. – Если он помрет, то и разговаривать будет не с кем.

– Ну, ладно. – Грифон снова смотрел на меня. – Так ты уверен, что у тебя нет золота? – Он кивнул двум стоявшим поодаль созданиям. – Переверните их и потрясите как следует: может, что и выпадет.

Молодой грифон не ошибался: дела Эбenezума и впрямь были плохи. Вряд ли подобная встряска ему поможет. Я поспешил заметить, что, даже будь у нас золото, мы наверняка потеряли бы его во время полета.

Грифон вздохнул:

– Это верно. С птицей Рух всегда одно и то же. Летает быстро, зато соображает плохо. – Животное, склонив голову набок, смотрело на меня орлиным глазом. – Но она – исключение. Большинство из нас очень талантливы.

– Может, дать им немного отдохнуть, – милосердно заметил грифон-сын. – Старый сарай...

– Замолчи и предоставь старшим принимать решения! Юнец! – Грифон умолк, потом радостно всплеснул крыльями. – Ну конечно! Старый сарай! Там нет ветра. Чихающий человек сможет там согреться и обсохнуть. Через несколько часов он будет говорить.

– Ты хочешь сказать, слушать, не так ли, па? Грифон было зарычал, но тут же осекся:

– Ну да. Мой сын прав. Значит, завтра на заре и проведем собрание. – Он печально покачал головой. – Ну почему ни у кого никогда нет золота? Старому Грифону трудно привыкнуть к новым порядкам.

Пара созданий с лошадиными телами, над которыми возвышались мужские торсы, подхватили волшебника и закинули на спину молодого грифона. Хотя старик и продолжал бормотать что-то об отсутствии золота и своем положении в обществе, никто не обращал на него никакого внимания. И я тоже.

– Кентавры, – пояснил молодой грифон, видя мое замешательство. И тут же припустил крупной рысью. Мне, чтобы не отстать, пришлось всю дорогу бежать бегом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.